

К. Базили

Очерки Константинополя

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. Базили**
Очерки Константинополя: Часть 1 / К. Базили – М.: Книга по Требованию,
2015. – 300 с.

ISBN 978-5-458-36582-6

ISBN 978-5-458-36582-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Извѣщая читателя, что я провелъ дѣлство и многіе годы моей жизни въ Констанцинополѣ, и былъ въ этомъ городѣ въ разныя эпохи — я эписмъ не надѣюсь придасть моей книгѣ болѣе цѣны, но единственнo желаю показатъ причины, побудившія меня къ предпріятію сего труда.

Въ эписмъ Очеркахъ я соединилъ сохраненныя мною воспоминанія о Констанцинополѣ, дополнилъ ихъ свѣжими разсказами, собранными мною на мѣстѣ, о недавнихъ любопытныхъ происшествіяхъ этой столицы, на которую уже нѣсколько лѣтъ усмремлены взоры всего просвѣщеннаго міра, и

поспалрался изложитъ въ нѣсколькихъ карпинахъ дѣла Султана-Преобразователя и его удивительную судьбу, равно и соспояніе его сполиты въ послѣднюю эпоху моего пребыванія въ ней, эпоху особенно занимательную для всякаго Русскаго, любящаго славу и величіе своего опечесства. Цѣлю моего шруда было — предспавитъ нашей публикѣ занимательное чпеніе о предметѣ, споль близкомъ намъ и такъ мало доселѣ извѣспномъ.

Безъ сомнѣнія нѣтъ города болѣе доспойнаго вниманія нашихъ соопечеспвенниковъ. Уже десятъ вѣковъ поспоянно вперены взгляды Россіи на Босфорскую сполитцу; шо заманиваетъ она нашихъ баснословныхъ рыцарей своимъ богатспвомъ, шо изливаетъ на обрадованный Сѣверъ свѣтъ Хриспціан-

спва, но завываетъ Московскому Князю послѣднюю опрашу Императорскаго дома и уленѣвшихъ отъ плѣнныхъ береговъ Босфора орловъ древняго Рима, но занимаетъ великіе помыслы Екатерины II и обѣщаетъ міру новыя судьбы, удивленной Европѣ новую эпоху рыцарства; а въ наши дни испуганный городъ Султановъ съ высоты своихъ холмовъ и минаретовъ видитъ дымъ Русскаго войска, и побѣдное отраженіе штыковъ; потомъ наше войско и нашъ флотъ приносятъ Востoku даръ мира.

Константинополь, какъ средопочіе великихъ переменъ и перерожденія обширной Имперіи, въ одинаковой степени обращаетъ на себя вниманіе подлинна, мысливша и всякаго образованнаго чловѣка. Если заниски путешественника возбуждять любопыт-

VIII

ство чипающей публики — это я припишу эпохѣ, а не внутреннему достоинству моего труда. Говорясь, что нашъ вѣкъ любитъ говорить важнымъ тономъ даже о пустякахъ, такъ какъ прошедшій вѣкъ говорилъ шутя о предметахъ важныхъ; но безъ поддѣльной скромности могу сказать, что я старался избѣгнуть всякихъ припязаній на ученость; если иногда читатель найдетъ свѣдѣнія о законахъ, объ обычаяхъ Турецкой шаринны, я былъ въ необходимости помѣстить такія подробности, которыя впрочемъ не легко достаются любознательству путешественника, что бы пояснилъ нынѣшнія перемѣны Турокъ. Свѣдѣнія мои о Воспохѣ весьма ограничены; меня успокоиваетъ уверенность, что эта книга не должна сдѣлаться предметомъ крипики ориэн-

IX

палистовъ. Добросовѣстность моего труда заставила меня однакожь прибѣгнуть къ нѣкошорымъ ученымъ сочиненіямъ о Турціи, чшобы повѣрять мои замѣчанія, мѣстные рассказы и преданія. Равнымъ образомъ поспарался я воспользоваться трудами моихъ предшесшвенниковъ, читалъ многошомныя собранія пушешесшвій различныхъ эпохъ, и въ нихъ, среди кучи непочносшей и ошибокъ, кошорыхъ безъ сомнѣнія и я часшо не могъ избѣгнуть, ошыскивалъ иногда нужныя мнѣ свѣдѣнія.

Считаю излишнимъ напомнить читателю, чшо .ему представляется здѣсь не „книга“ и не „пушешесшвіе“, а шолько „очерки Конспаншинополя;“ въ нихъ нашли мѣсто многія народныя повѣрія, кошорыя при всей своей легкосши, по моему мнѣнію, болѣе за-

Ж

служиваютъ иногда вниманіе наблюдателя, нежели ученыя изслѣдованія. Въ двухъ романическихъ разсказахъ о приключеніяхъ Вероники и Ангелики, помѣщенныхъ во второй часпи, я ничего не выдумалъ. Если нѣкоторыя подробности, впрочемъ совершенно истинныя, придаю имъ видъ повѣстей, и сохранилъ эти подробности, имѣя единственною цѣлю, какъ и въ цѣломъ сочиненіи, предсѣавить характеръ мѣстностей, со всеми тѣми ошпѣнками, которые наиболѣе оспавили во мнѣ впечатлѣнія своею оригинальностію или своею новостію, и переданъ читателю тѣ каршины, копорыя сохранились въ моемъ воображеніи. Доспигнулъ ли я моей цѣли—это вы узнаете по впечатлѣніямъ, копорыя сохранише, пробѣжавши мои очерки. Не знаю: найдеть ли чита-

шелъ подробности о Янычарахъ за-
 нимапельными. Но я зналъ Констан-
 тинополь при нихъ, въ прежніе годы;
 а потомъ, среди свѣжихъ еще слѣ-
 довъ ужаснѣйшаго изъ кровопролитій,
 даже въ лѣтописяхъ Спамбуда, такъ
 часто облипыхъ кровію, я былъ сильно
 пораженъ каршиною этого великаго
 событія, котораго вліяніе являешся
 во всемъ, котораго подробности по-
 кажутъ наблюдателю всю важность
 нынѣшнихъ переменъ въ Турціи. Что
 касается до системы изложенія, — я въ
 моемъ разсказѣ не слѣдовалъ ни како-
 му порядку; можетъ быть иногда
 удачно, иногда случайно сошлись въ
 одну раму разнообразныя событія и
 каршины, такъ какъ все это вмѣстѣ
 представляешся вамъ, когда посѣщае-
 те страну вамъ незнакомую, и еще
 болѣе пльняешъ своимъ фантазми-

ХІІ

ческимъ сближеніемъ. За эпизоды и описуиленія никто не вправѣ уррекашь путешественника; все его странничество есть продолжительный эпизодъ его жизни; все встрѣчаемое имъ есть заблудившійся листокъ его собственнаго существованія.

Нынѣшняя эпоха Турціи самая любопытная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая запруднительная для путешественника. Судорожная борьба спарины и новизны происходитъ въ вашихъ глазахъ; смѣсь обычаевъ, повѣрій, нравовъ и предразсудковъ эпохъ, совершенно между собою противоположныхъ и усиленно сближенныхъ, какъ безконечная фантасмагорія происходитъ предъ вами. Живописный образъ этой эпохи найдете только въ теченіи Босфора, кошорый при всякой перемѣнѣ въпра, при всякомъ

уклонъ берега, представляющъ тысячу капризныхъ измѣненій, котораго волны, выбѣжавъ изъ одного моря, что-бы влился въ другое, вспрѣчаются на пущи съ волнами идущими обратно, борюща съ ними, и продолжаютъ свою вѣчно-измѣняющуюся игру подъ сѣнѣми Конспаншинополя. Вчерашнее замѣчаніе сегодня уже не вѣрно; сшаржины повѣрья по сохраняюща съ набожнымъ уваженіемъ, по распадоуща, какъ вѣщная одѣжда. Таково первое вшорженіе моды въ народъ, который доселѣ шакъ ея чуждался.

Съ воспоминаніями лѣтъ проведенныхъ мною въ Конспаншинополѣ, и съ каршинами замѣчательнѣйшихъ эпохъ нынѣшняго царшвованія, соединидъ я въ моихъ „очеркахъ“, и нѣсколькo каршинъ другаго рода и воспоминанія другихъ вѣковъ. Мое пре-

бываніе въ спранъ гробовъ и развалинъ научило меня любить слѣды прошедшаго, и наспомощее предспавляелися живѣе въ моемъ воображеніи, когда оно опспѣнено перспективною спарины. Въ эпоху опспрышій новыхъ земель люди соскучившіеся въ нашемъ спаромъ мѣрѣ спѣшили къ нимъ, прельщаемые ихъ дѣвспвенносспію. Они хотѣли проложитъ первую прощину въ лѣсахъ, копорые дошомъ величеспвенно росли въ дикомъ уединеніи, и гнулись подѣ вѣлпромъ а не подѣ шопоромъ; морякъ съ гордосспію измѣрялъ глубину береговъ, у копорыхъ его якорь первый вѣщился въ морское дно, еще не оцарапанное желѣзомъ, и многіе Колумбы цѣловали новоопспрышую землю со всѣмъ пламенемъ перваго поцѣлуя любви. Но я не сочувспвую этой поэзіи. Такъ какъ душа земли еспщ чѣ-